

A woman in a historical, light-colored dress with a lace-like pattern and a yellow hat stands with her back to the camera, looking out over a body of water and distant mountains under a cloudy sky. The scene is outdoors, with some foliage in the foreground.

ВАЛЕНТИН
ЗВЕРОВЩИКОВ

Корова
Стеллера

ИЛИ

ПРОВЕРКА
ПРАВОПИСАНИЯ
ПО-ФРАНЦУЗСКИ

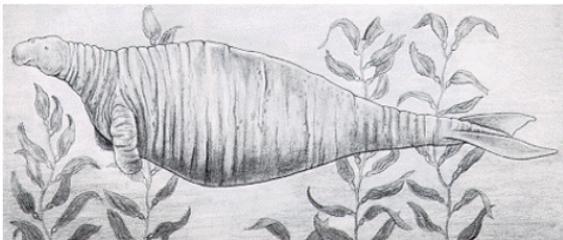
Валентин Зверовщиков Корова Стеллера, или Проверка правописания по-французски

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21558098
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

В центре романа расследование серии загадочных убийств на границе Российской империи. Штабс-капитан Клочков, поручик по особым поручениям губернатора, выходит на след профессионального японского разведчика Миядзаки, связанного с коррупционным купеческим кругом Камчатки. Параллельно с расследованием по приказу губернатора, Клочков похищает гастролировавшую в Приморье французскую певицу Рашель Бутон для празднования именин государыни. Мир катится в тартарары, и революция неузнаваемо поменяла судьбы всех участников этой истории.

Валентин Зверовщиков Корова Стеллера, или Проверка правописания по-французски

Второго июня тысяча девятьсот тринадцатого года от рождения Христова в центральной и единственной газете Камчатки, поименованной изысканно и просто «Петропавловский листок объявлений» появилась заметка следующего содержания.

«В ночь на двадцать девятое мая на квартире знакомых убит неизвестным образом младший делопроизводитель канцелярии И.Г. Штарк. Изувеченный труп был найден поутру тридцатого мая хозяйкой квартиры N. Произведено дознание хозяйки. Вследствие исключительности произо-

шедшего подробности происшествия разглашению не подлежат.

Желающих что-либо сообщить по существу дела просят обращаться к чиновнику по особым поручениям Ключкову П. М. Телефон № 2 и № 7».

Самое страшное противоправное дело, которое довелось вести чиновнику по особым поручениям губернатора Ключкову Павлу Михайловичу, был случай мордобоя в китайском кабаке Ли Ши-Тяна, когда местный богач Чурин, двоюродный брат знаменитого сибирского Чурина, будучи в сильном подпитии, дважды дал в ухо коллежскому асессору Леху, от чего у асессора сделалось сотрясение мозга.

Расследование не заставило себя долго ждать, и вскоре всё общество узнало, что ни первый, ни второй не помнят, собственно, из-за чего дело вышло.

За всестороннее и вдумчивое разбирательство одного преступления Ключков был произведен в чин ротмистра. Поэтому, когда ранним утром тридцатого числа его призвали выполнять служебные обязанности, он сильно изумился и поначалу запустил сапогом в денщика Белугина.

– Так и есть, ваш высокородия, лежит самым мертвым образом и вся морда синяя! Как бог свят, не вру!

И с истовостью старого служаки Кузьмич наложил на себя крест аж шире плеч.

В доме хозяйки N, а проще говоря, гражданки Колодилиной, у которой арендовал жилье покойный, стоял бабий вой, выдававший особые отношения хозяйки с младшим делопроизводителем Штарком, чего, впрочем, они не скрывали.

В городе, насчитывающем около тысячи жителей, каждый жил на виду. Ничего скрыть было нельзя. Да и двери сроду не запирали. Воровство на полуострове отсутствовало как понятие.

Колодилина Варвара уже несколько лет считала себя вдовой. Муж сгинул во Владивостоке. Последний раз его видели обкурившимся опиумом в тамошнем китайском притоне. И женщина содержала себя тем, что сдавала внаём всё, что имела.

Обложной дождь, зарядивший с утра, превратил поход к дому вдовы в пример гражданского мужества. Мокрый до нитки, злой и грязный по колено, Павел Михайлович вслушивался в вой женщины с тоскою волка посреди пустой степи. В комнате стоял стойкий запах сивухи, по причине которой сама вдова не могла упомнить, что вчера, собственно, было на квартире её постояльца и кто у него гостил. Когда-то красивое лицо женщины оплыло от беспробудного пьянства. И расспрашивать ее Клочков посчитал никчемным делом.

На время отпуска врачебного инспектора трупом занимался зубной врач Шумилин.

– Труп как труп, – сказал он после осмотра. – Признаков насильственной смерти нет. Однако под правой мышкой покойника обнаружена шишка неизвестного происхождения. То ли ударился где, то ли нарыв под названием «сучье вымя».

– Зубы в порядке? – спросил Клочков, но Шумилин шуток не понимал.

– Зубы не повреждены. Признаки драки отсутствуют.

В комнату, отряхивая зонтик, вошла жена губернатора Софья Михайловна.

– Боже ж мой, боже ж мой! – запричитала она с порога. – Бедный Иван Генрихович! Как это произошло, Павел Михайлович? Как же так?

– Вот, извольте видеть, – вздохнул ротмистр и поспешно добавил, – впрочем, что тут смотреть? – и накрыл бедного Ивана Генриховича сероватой простыней.

Денщик преувеличил. Синим у Штарка был только заострившийся кончик носа, выдававший делопроизводителя с головой. Действительно, Иван Генрихович, старательный на службе, жил тихо и попивал дома и незаметно для окружающих. На улице же его часто видели разговаривающим самим с собой, что служило поводом для насмешек и беззлобного подтрунивания.

Причины волнения губернаторши были Клочкову также

понятны. Иван Генрихович, кроме служебных талантов, обладая невероятной харизмой, пользовался славой известного на полуострове аматёра-любителя по театральной части. Без ложной скромности он чтит себя любимцем камчатской публики и играл в театре «С.М. и Н. В. Мономаховых» характерные роли, где сама губернаторша, впрочем, на общественных началах, служила художественным руководителем.

Вот и в последней постановке драмы Софьи Михайловны «Долой пьянство!» в трех действиях, которую она написала саморучно, отравленная атмосферой морского порта, он исполнял роль алкоголика-отца, от которого отказались дети и жена, в результате чего потрясенный герой исправлялся и в финале все дружно пели оду государю-императору.

– И как же теперь быть? Что делать? – продолжала прочитать Софья Михайловна.

Через месяц с материка должен был приехать владыко Нестор, которому она клятвенно обещала покончить с пьянством на полуострове. И что же теперь? Кто справится со сложнейшей ролью отца?

– Сумбатова-Южина, что ли, из Москвы вызывать?

В обозримом пространстве актеров такого уровня, как Штарк, просто не существовало.

Софья Михайловна жила в двухэтажном губернаторском доме по-соседски, поэтому обратно ротмистр с губернаторшей шли вместе.

Деревянный тротуар кончался непосредственно за домом

начальника Камчатки, поэтому шли прямо по лужам, не разбирая дороги. Лицо женщины, мокрое то ли от слез, то ли от дождя, было одухотворено высокой печалью.

Вслед за дождем с сопок змеем спускался белый молочный туман и стремительно наползал на дома.

Расставшись с женщиной, изрядно продрогший ротмистр – это летом-то! – свернул в проулок, где находилась китайская баня, с намерением сейчас же окунуться в горячую ванну. На крыльце бани стояла молоденькая китаянка в кимоно и ласково и приветливо пробормотала что-то офицеру по-китайски.

– Расплодилось вас здесь, – в ответ недружелюбно сказал Павел Михайлович.

И действительно, треть от населения Петропавловска в тринадцатом году составляли китайцы с японцами да десятков американцев. Бани, продуктовые и промышленные магазины, аптеки, швейные мастерские, столовые – все принадлежало китайцам, и не существовало ни одной отрасли, в которой они не составляли бы значительной конкуренции для местного люда.

Камчадалы, только недавно выглянувшие из патриархального одеяла, надолго жизнь не планировали, брали от природы ровно столько, сколько необходимо, чтобы пережить зиму. Не сеяли, не пахали. Питались рыбой как хлебом. Били уток, продавали пушнину. Шкурку песца выменивали за

бутылку браги.

Мясо вялили в балаганах прямо на берегу бухты, заготавливали в ледниках солонину, рыбу коптили, а юкола тухла в ямах для собак или вялилась без костей и соли на воздухе, отчего в городе стоял терпкий запах тухлятины.

Русские поселенцы занимались охотой, рыболовством, браконьерили, торговали за спиной закона с японцами, китайцами, американцами и норвежцами, и бороться с этим заводом было невозможно, потому что все были равно опутаны круговой порукой и каждый получал немалую мзду.

Большинство ительменов, испокон веку живших на берегу бухты, предпочли от греха подальше убраться на запад полуострова. История освоения Камчатки казаками, стыдливо замалчиваемая, скрывает за собой подлинную трагедию аборигенных народов, большей частью подвергшихся ассимиляции, и это самый благополучный исход, который они могли ожидать от наступления цивилизованного мира.

* * *

У самой двери спал, закутав нос в круглый хвостик, щенок аборигенной лайки. Ротмистр потрепал его за загривок, тот и ухом не повел, и аккуратно перешагнул через щенка в жаркую фанзу.

Хозяин бани, пожилой мудрый Шу Де-Бао, расплывшись в радушной улыбке, постоянно что-то бормотал. Ключков

не прислушивался к нему, потому что половину не понимал. Китаец выдал ему белоснежное полотенце, не переставая что-то объяснять, проводил посетителя в помывочную с двумя ваннами, парной и лежаками для массажей.

В одной из ванн отмокал после парной бывший губернский инженер Багиров, уволенный со своего поста губернатором с формулировкой «уволить, как чрезмерно обремененного исполнением своих прямых обязанностей».

В отличие от поджарого, небольшого роста, крепкого телосложения Клочкова, высокий и тучный Багиров с вечно опухшим лицом выглядел болезненно. Как все высокие люди, он при этом выглядел крайне неуклюже. Спускаясь с лестницы, долго и тщательно искал ногой опору. Зимой ходил укороченным шажком, как старый старик. Часто простужался, при этом разговаривал высоким сиплым голосом, который совершенно ему не шел.

– Без всяких к тому оснований-с... взял и постигнул, – сказал Клочков после обычного обмена любезностями, залезая в ванну.

– У-би-ли, – одними губами сказал инженер и, глубоко вздохнув, ушел под воду с розовыми лепестками.

– Что вы этим хотите сказать, милостивый государь? – строго спросил чиновник по особым поручениям бывшего инженера, когда тот подобно Афродите, благополучно вынырнул из мутной пены.

Ни слова не говоря, Багиров молча поднял правую руку и

со значением ткнул себе в волосатую подмышку.

Все уже всё знают...

Одного жеста Багирову оказалось мало, он поднял руки, растянул пальцами глаза, сузив их до щелочек, и многозначительно кивнул заросшим подбородком.

И тут ротмистра осенило! А ведь и верно!

С месяц назад японцы, которых арестовали за контрабандную ловлю рыбы (а они и по легальным контрактам вылавливали от всей рыбы на Камчатке пятьдесят девять процентов), устроили от нечего делать что-то типа греческой олимпиады. Бегали взапуски друг за другом, поднимали всяческие тяжести. Местные также приняли в забаве участие, и в поднятии тяжестей убедительно победил гигант Степан Глазырин. Он поднял сразу пятерых браконьеров. Четверо повисли у него на руках, пятый забрался на голову.

А вот в борьбе победил японец. Маленький, юркий, никак не ухватить. Раз за разом он укладывал камчатских богатырей на родную землю и по виду не очень и уставал. Когда победителей пригласили на дружескую уху прямо на берегу бухты, японцы рассказали, что Миядзаки-сан владеет древней японской борьбой джиу-джитсу и может запросто ударом пальца убить человека. Есть такие точки на теле. При ударе человек может даже не почувствовать, но уже через несколько дней умирает. И показали несколько точек. Одна из них как раз была под мышкой.

– Надо ж какая наука – людей пальцем калечить! – изу-

мился тогда еще Павел Михайлович. Придя домой, тыкал средним пальцем в стену, но без усердия, и вскоре забыл вообще за ненадобностью.

И вот она – джиу-джитса! Пальцем под мышку и человека нет! Неужто так просто?

За окнами остервенело перебрехивались собаки. В каждом доме держали по несколько лаек. В недалеком прошлом они являлись основным средством передвижения на полуострове. Кормили их тухлой рыбой, которую заготавливали прямо в земле. Жили первые друзья человека на улице, а летом добывали еду самостоятельно, не доставляя хозяевам особых хлопот по содержанию.

Губернатор несколько раз издавал приказ убрать собак из города, но до поры до времени безрезультатно. Софья Михайловна из-за них мучилась бессоницей, впрочем, ровно так же, как и в родной вятской губернии из-за лягушек в местном пруду.

– Действительно, надо их... того, – пробормотал Клочков себе под нос.

– Кого – японцев? – переспросил уволенный взашей инженер, кутаясь в простыню, словно римский патриций. Ткань ниспадала классическими складками с одного плеча и небрежно перетекала на противоположную согнутую в локте руку.

– Собак, – тяжело вздохнул ротмистр.

Версия Багирова, конечно, нуждалась в проверке, но де-

ло в том, что Миядзаки-сан два дня назад вместе с командой остальных браконьеров вернулся в Хакодате на американском пароходе. То есть, искусством джиу-джитсу, если оно здесь имело место быть, владел еще кто-то из местных воинов Микадо. Но те как-то не докладывали никому о своем умении. И спрашивать у них, кто умел убивать пальцем, было делом безнадёжным и бессмысленным.

Клочков интересовался поначалу, что делают иностранцы в этом Богом забытом краю?

С японцами понятно. Они, охамев после победы в войне пятого года, делали на Дальнем Востоке, что хотели. Американцы грабили наскоками вплоть до откровенного пиратства. Особо не церемонясь, они налетали на поселения, убивали, отнимали золото ли, пушнину и скрывались на Аляске или в Калифорнии. Китайцам и корейцам не хватало жизненного пространства, и они вынужденно захватывали всё новые и новые экономические районы.

Но что делали на полуострове норвежские рыбаки? Собственного моря мало?

Никаких военных тайн на Камчатке сроду не существовало. Про гарнизон и его потенциал – шпионам не надо было тратить время – могла воочию рассказать одноэтажная казарма прямо на берегу. А всё подлинное богатство находилось в недрах – в земле, чистейшей родниковой воде и воздухе полуострова.

– Экий воздух здешний, хоть на хлеб вместо масла нама-

зывай! – говаривал приезжий с материка люд.

Именно эти сокровища и притягивали как магнитом иностранные корпорации и фирмы. Горячие на взятку чиновники грелись на невыгодных с государственной точки зрения договорах и все были довольны. Бог высоко, а царь далеко. На этом и строилась большая политика на Дальнем Востоке. Рыбный промысел еще царь Петр объявил легитимно преступным. С тех самых пор ничего и не менялось.

Губернаторской воли и власти (даже если это и честный человек, такой, как нынешний губернатор, дай бог ему здоровья) не хватало, чтобы что-то изменить, жизнь у человека одна, что Иван Генрихович Штарк сегодня блестяще и доказал.

* * *

– Ну-с, и какие выводы вы изволили сделать? – осторожно спросил Клочкова губернатор Николай Владимирович Мономахов, мелодично позвякивая ложечкой в стакане с чаем. – Да вы, право, садитесь, Павел Михайлович? Что чиниться?

Чиновник, тем не менее, остался стоять.

– Остерегаюсь поспешных мыслей, Николай Владимирович, но на самом деле возможен любой, самый невероятный исход, – Павел Михайлович развел руки. – Да посудите сами! Делопроизводитель, всё самое большое и малое через него.

И аукционы, и договоры, и золотишко. Как на перекрестке, всё видит, знает, а что не знает, так догадывается. Неровен час, кому дорогу перешел.

Губернатор нахмурился.

– Дорогу... Полно, полно, Павел Михайлович, эх вас куда потянуло! Еще шапиейном японским его представьте! Чепуха, право, какая-то! Золото ваше – это сказки. Кто его видел, в руках держал?

В городе, действительно, время от времени задерживали каких-то людей, по виду старателей. С безумным блеском в глазах. Все они куда-то пропадали так же внезапно и незаметно. Как и появлялись.

– Сам не видел, в руках не держал, но верные люди сказывали. Клондайк не Клондайк, но мыли, моют и продолжают мыть. От людей ведь не спрячешься. И все говорят про Чую реку, что там, дескать...

– На самом деле, не Чуя, конечно, но это потом... потом... – задумчиво даже не проговорил, а пробормотал губернатор, уставясь в темную раму окна.

– У вас есть какие-то данные? – напрямую спросил чиновник по особым поручениям.

– Потом, потом съездим. Есть и данные, – Николай Владимирович побарабанил пальчиками по столу и спросил. – И вы думаете, что Иван Генрихович, этот божий человек, как-то с ними водился? С этими манихейцами?!

– Поговаривают так, – вздохнул ротмистр.

– Поговаривают... эка диковина! – фыркнул недовольно губернатор. – Так и про меня поговаривают, что у вятских крестьян деньги занял да не отдал.

Клочков почел за благо промолчать, потому что именно так все и обстояло на самом деле. И занял, и отдавать начал вот только как первый год, да и то после судебного решения.

– Мало ли что говорят? – продолжал губернатор. – Тут нужен факт, которого у нас, то есть, у вас, пока нет.

– А вот и есть, Николай Владимирович.

Чиновник по особым поручениям открыл папочку, достал оттуда какой-то клочок бумаги и положил пред светлые очи губернатора.

– Вот извольте полюбопытствовать.

На клочке бумаги, подпаленном с одной стороны, весьма искусно была нарисована карта какого-то места с крестиками. Николай Владимирович повертел бумажку в руках и отдал обратно сыщику.

– Не смею судить, милостивый государь, это по вашей части. Но на самом деле это может стать чем угодно, просто чем угодно, вплоть до детской шалости.

Усы у Николая Владимировича мелко подрагивали. Это значило, что начальник начинает впадать в состояние раздражения и лучше бы уходить из кабинета подобру-поздорову.

– Как бы нам с вами в смешную историю не войти с главного, понимаете, хода!.. И где вы нашли это показание?

Клочков задумчиво почесал мизинцем начинающую некстати лысеть макушку и тяжело вздохнул.

– В том-то и штука, что бумажка сия, как вы изволили выразиться, была весьма искусно спрятана в столе канцелярии.

– То есть?

– Приклеена липкой лентой к столешнице с нижней стороны.

Губернатор откинулся в кресле и позвонил в колокольчик. Тотчас из соседней комнаты вышла жена Софья Михайловна. По всей видимости, она уже уложила дочь спать и, находясь в соседней комнате еще до прихода ротмистра, слышала весь разговор. Что нисколько не удивило вечернего посетителя, поскольку и до того весь город знал, что жена принимает самое деятельное участие в государственной и политической жизни полуострова.

– Простите, Павел Михайлович, что вмешиваюсь, но став невольным слушателем сей детективной истории, не могу не возразить вашим изысканием. Если, конечно, вам интересно моё мнение.

Павел Михайлович, смутившись, пробормотал что-то невразумительное, что можно было принять на выбор и за согласие и за несогласие, и Софья Михайловна продолжила, слегка прищуривая ярко подведенные глаза.

– Понимаю, дорогой Павел Михайлович, ваше искушение сыграть в нашей истории некоторую роль – камчатского Шерлока Холмса, но зная Ивана Генриховича как духов-

ную и светлую личность, на дух не могу принять вашу гипотезу, – Софья Михайловна прошлась по ковру кабинета с заложёнными за спину руками. – Ну, приклеилась какая-то бумажка с крестиками к столешнице. Странно, что не купюры приклеились. С покойника станется. Рассеянный, наивный как дитя, смешливый Ванечка просто не в силах вести двойную жизнь японских агентов, – сняла с носа пенсне, повертела в руках. – А золотых старателей, которых вы задерживали, я помню. Морды, извините за выражение, резаные. Оскалы какие-то, а не выраженья лица. Руки – грабли, в мозолях и ссадинах, глаза как у волка. Разве Иван Генрихович такой? Пил? Да! Здесь я могу согласиться. А кто у нас не пьёт? Я одна! На всём полуострове! А это, извините, территория нескольких Франций!

– Сейчас сядет на свой конёк и начнется, – подумалось Клочкову. Он отвлекся от рассуждений губернаторши и уставился в окно. Влажные листья рябины, окутанные дымкой тумана, блестели, а дальше за несколько метров уже подступался вечер. Небо закрыла серая пелена, и только светящиеся точки окон пробивали густой полумрак. Когда он очнулся, Софья Михайловна уверенным тоном, не терпящим возражений, говорила как всегда одно и то же.

– Моя идея – с помощью искусства театра в расширительном смысле, конечно, сделать жизнь вокруг нас красивой. Вылечить этот вывихнутый мир, людей, в нем проживающих – вот подлинная и наипервейшая задача искусства. По край-

ней мере, облагородить этот трудный быт, внушить людям, что есть где-то, пусть в фантазии, какая-то другая жизнь, более возвышенная, не такая, которой мы здесь живем...

Тут Николай Владимирович не выдержал.

– Полно, матушка, ври да знай меру всё-таки. Этак ты из русского мужика мне итальянцев понаделаешь, и чего мне с ними тут делать. Я по-ихнему и не разумею.

В кабинет, постучавшись, без доклада, по-свойски, вошел вице-губернатор Родунген. Такие посещения, практически ежедневные говорили о чрезвычайно близких и доверительных отношениях внутри Камчатки. Трудная и далекая жизнь, оторванная от материка, сближала людей одной судьбой. Порой во время зимнего ненастья, когда дома заносило снегом под конек крыши, люди, протоптав или прорыв тропинки от дома к дому, «пурговали» друг с другом сутками при неослабном разговоре и непрекращающемся застолье.

– Как там? – спросил, устроившегося в ротанговом кресле Родунгена, Николай Владимирович.

– Всё хорошо, – только и ответил Василий Осипович, отдуваясь после нескольких кружек чая, до которого был чрезвычайно охоч. Но скорей всего он не хотел говорить при Ключкове, которого недолюбливал из-за того, что тот водил амуры с его женой – Лялей Петровной. Сам вице-губернатор сих процедур избегал по причине грудной жабы.

В первый год бытности на Камчатке он, не зная местных сюрпризов, удалился из любопытства в лес на Петровскую

сопку – какие-нибудь триста метров – и встретился с медведем. Тот, естественно, радостно среагировал на упитанного Василия Осиповича и поспешил навстречу. Деваться некуда, бежать бессмысленно, посему вице-губернатор влез на березу, причем выбрал дерево исключительно гладкоствольное, без намеков на ветки, и висел там как хороший акробат, в то время как медведь хватал его за сапоги и тянул вниз.

Вице-губернатор орал так, что осип, но своего добился. Его услышали и спасли. Но сняли с дерева уже больного, левая рука онемела, за грудиные боли не давали дышать. Шумилин, а он тогда был единственный лекарь в городе, диагностировал грудную жабу.

– Нет, в самом деле, Николай Владимирович, всё хорошо, – положила руку на больное сердце, повторил вице-губернатор.

Но начальник Камчатки вдруг скривился и махнул на заместителя рукой.

– У вас вечно всё хорошо. Вот посудите, Павел Михайлович, – обратился он за поддержкой к Клочкову. – На севере одну речку японцы перегородили, другую – Чурин с шайкой. Ну, я понимаю, те – враги отечества, с ними всё ясно. Им иначе нельзя. А Чурин-то вроде свой! Но в результате их обоюдной деятельности разбойничьей местный люд обречен на голодную зиму, а это грозит различными бедами, в том числе и бунтом, знаете. Это уже не шутки! А я здесь и поставлен главным образом, в аккурат для того, чтобы этих са-

мых бунтов в помине не ночевало. Выгребают, понимаешь, до доньшка, до черной гальки всю реку. Рыбку в реку не пустят. И что прикажете мне делать – благодушничать?

– А что тут сделаешь?

Клочков знал, что Василий Осипович состоял с Чуриным в финансовых отношениях и всей силой вице-губернаторской власти всячески покрывал его безобразия, будучи коммерчески заинтересован в результатах рыбалки.

– Вот именно, что ничего! – горько вздохнул Николай Владимирович. – Если я японцев наказать не могу, что я Чурину-то скажу? Никакого морального права не имею. Он мне так и ответит. А на японцев налетать нужна сила, которой нет, а если и есть, надо во Владивосток за разрешением обращаться. Да ведь каждый раз, милостивый государь, не напросишься, о-хо-хо...

На охране побережий от супостатов находились две неповоротливые посудины – канонерская лодка «Маньчжур» и военное судно «Колыма», но они почему-то никого поймать не могли. В то время как японцы грабили на западе, наши искали их на востоке, и наоборот...

Поворотясь к жене, Николай Владимирович сказал с укоризной.

– Вот ты бы, голубушка, приветила бы Чурина, заняла в своем позорище вместо покойного Ивана Генриховича, светлая ему память... тихий и благоденственный человек был. Глядишь, и Чурин бы не крал столько! В могилу-то всю рыбу не

унесешь!

Клочков поспешил откланяться. На прощанье губернатор сказал, не выходя из-за стола.

– А что до карты вашей, Павел Михайлович, всё это на воде вилами, еще надобно доказывать. Погодите с выводами. У меня также на Троицу под мышкой шишка вскочила, так у кого этакой хворобы на Камчатке не бывало?

Вечер затих. Даже собаки, притомившись от дождя и сырости, перестали лаять. Грязь хлюпала под сапогами. В доме вице-губернатора горел свет. За занавеской, как на экране электрического синема, отпечаталась тень Ляли Петровны и откатилась в глубину комнаты. У Клочкова защемило в груди от одиночества и бесприютства.

* * *

Жена Родунгена Ляля Петровна, подруга Софьи Михайловны, также играла в местном любительском театре. Исполнилась бы воля губернаторши, в театре играло бы всё население города и окрестных сел. В спектакле «Долой пьянство» вице-губернаторша блистала в роли жены Штарка.

Несмотря на то, что ей было слегка под сорок, выглядела она моложе, вечная кокетка-травести, с жадными, полными губами, живая как ртуть, хохотала с первого слова «Здрасьте!». Смех ее слышался издалека и привлекал веселостью и здоровьем. Мушки на лице блуждали и путешествовали со-

ответственно с фантазией хозяйки.

С Иваном Генриховичем она дружбы не водила. Роль в спектакле не нравилась. Персонаж ее страдал и мучился, чего Ляля Петровна отродясь не любила. Ни попеть, ни потанцевать. Иван же Генрихович, желчный немец-перец-колбаса, её, мягко говоря, недолюбливал. И за кулисами, даром что она вице-губернаторша, щипал ниже спины, отчего у неё на этом месте часто горел синяк величиной с блюдце.

Поэтому Ляля Петровна, не чувствуя особенной утраты, раскладывала на подушке пасьянс «Марию Стюарт», в то время как горничная Пелагея, молодая девка, расчесывала ей на ночь волосы.

– А ты знаешь ли, Палашка, какой сегодня день?

– Знамо дело, барыня, Константина и Олёны.

– У нас в это время, Палашка, на Валдае лён сеяли. А чтоб он хорошо рос, бабы его обманывали. Раздевались донага и так и сеяли.

– Ну? Прямо голышом? Да неужто? – изумилась Пелагея.

– Вот тебе и ну!

– Из интересу или по надобности? – заинтересовалась Палаша.

– Чтобы уродился быстрее.

– Это как же? Прямо все бабы? Прямо весь дён так и бегали? – Пелагея открыла рот и села на соседний стул.

– Вот именно, – вздохнула Ляля Петровна, – чтобы лён, глядя на её прекрасную наготу, он же мужчина – лён, восхи-

тился и сказал: «А ну-ка, постараюсь я для этой прекрасной дамы уродиться ей под стать!»

– А ежели эта баба не хороша собой? Тогда что?

– Дура ты, Палашка. Тогда он подумает так: «Какая бедная – у неё даже рубашоночки на теле нет, пожалею её и одарю богатым урожаем».

Палаша глубоко задумалась, а потом подняла в удивлении наивные глазки под бровками-дугами и спросила:

– А мужики что об это время делали? По хозяйству глядели или как?

– Или как!.. – передразнила хозяйка горничную и захохотала. – Дура ты, Пелагея Батьковна!

И, вздохнув в полную грудь, томно проговорила.

– В кустах, поди, сидели или на деревьях.

Палаша не поняла, зачем мужики залезают на деревья. Они же не белки! И жалобно спросила:

– Это вы к чему, Ляля Петровна?

Вице-губернаторша оторвалась от пасьянса.

– А к тому, что лен пора сеять, а я тут на краю света с вами с тоски помираю.

И, глядя на растерянное лицо девушки, снова захохотала своим переливчатым смехом.

Несмотря на 38 лет, как злословил бывший любовник Багиров, она не утратила обаяния четырнадцатилетней барышни. Пятнадцать лет назад смех звенел серебристым колокольчиком, сейчас дребезжал подорвавшейся жестью, но все

равно звонко и заразительно.

Жили они с Родунгеном практически врозь, хоть и в одном доме, детей не завели, Василий Осипович давно устал от жениной веселости, предпочитая уединенную рыбалку и променады на берегу бухты. Ходил по гальке и черному вулканическому песку, глядел вдаль, как капитан, списанный на берег по старости.

Отношения с Ключковым, к тому времени длившиеся больше полугода, уже докучали вице-губернаторше. Она не имела привычки подолгу сосредоточиваться на одном предмете. Да и любовь, которую дарил ей ротмистр, нельзя было назвать романтической. Сухарь, помешанный на службе. Волевой подбородок, гусарские усы кончиками вверх, глаза, направленные скорее вглубь себя, нежели вовне...

Но так получилась, что Софья Николаевна, узнав о тайне, их связывающей, объявила себя покровительницей их отношениям, так как считала Лялю Петровну по-настоящему несчастной и достойной лучшей доли, чем Родунген.

Женщин в городе наперечет, по пальцам пересчитать. И как везде в окружающей природе, за их внимание шла ожесточенная, непрекращающаяся подковерная схватка.

Конечно, имелись и такие, как Варя Колодилина или красавица-ительменка Рая на Поганом ручье, но в основном, как бы на поверхности, нравы царили строгие, распутство не приветствовалось.

– На Валдай, на Валдай, на Валдай! Поедешь с нами, Па-

лашка? – спросила Ляля Петровна горничную перед сном.

– Знамо, поеду, барыня. Чем тут зря пропадать, лучше в поле.

– Лён сеять, – закончила за неё вице-губернаторша и, снова захохотав, укрылась с головой стеганым одеялом.

* * *

Ночью Клочкову приснился Миядзаки-сан. Он злобно ухмылялся в островок топорщившихся под носом усиков и пытался ткнуть его средним пальцем в грудь. Ротмистр в испуге отступил к стене пакгауза. Японец, поигрывая пальцем наподобие опасной бритвы в руках опытного парикмахера, медленно приближался к нему. На ватных ногах Павел Михайлович, оскальзываясь и падая, побежал в сторону центра города, самурай прыжками за ним.

И, главное, город словно вымер, все окна черные. Миядзаки дышал у Клочкова за спиной и практически уже настиг его. Ротмистр хотел крикнуть, да крик застрял в горле, ни вдохнуть, ни выдохнуть. И чем медленнее бежал чиновник по особым поручениям, тем быстрее прыгал японский агент. Пот заливал глаза, ноги дрожали от напряжения. У собора Петра и Павла офицер прижался к дощатому забору, не в силах более пошевелиться от усталости и страха, силы, казалось, насовсем оставили его.

В зрачках приблизившегося самурая он увидел собствен-

ное отражение и от ужаса медленно осел на твердую землю, закрывая от злодея подмышку. Миядзаки-сан склонился к нему близко-близко и, шипя как самовар, закричал почему-то по-русски:

– Вставайте, Павел Михайлович! Нонче ночью в двух верстах кит на берег выкинувшись. Все, кто мог, уже туда побёгли.

* * *

И, наоборот, Софья Михайловна в эту ночь глаз не сомкнула, хоть и выпила перед сном кружку настоя «венериного башмачка». Аппарат Ривароччи, который оставил ей на хранение во время отпуска врачевный инспектор Любарский, показывал давление далеко за сто шестьдесят, и она знала, что это не предел.

Культурная жизнь города до приезда Мономаховых влечила жалкое и безотрадное существование.

Бурная и деятельная Софья Михайловна в первый же год по приезде организовала Научно-промышленный музей, общественную библиотеку, выписала из Владивостока фильмы, которые крутили каждую субботу. Хотя сама лично считала кино низким искусством.

«Женщина-змея», «Кто влюблен, тот умен», «Путь порока», «Проделки подлеца» и т. д. Билеты продавались с наценкой, и всё равно разбирали влёт, что говорило о большом

прорывном успехе синематографического искусства на полуострове и невзыскательном художественном вкусе народа.

Предметом её особой заботы стало Литературно-музыкально-драматическое общество с буфетом и бильярдной комнатой, впоследствии названное «Театром Н. В и С. М. Мономаховых». Здесь она являлась полной хозяйкой, ставила спектакли, играла на фортепьяно, устраивала вечера романсов и писала пьесы на различные темы – от злободневных до вечных античных.

Первой постановкой её стали сцены из бессмертного «Ревизора» Николая Васильевича Гоголя, в котором сама же с блеском и сыграла городничиху. Зал стонал от хохота. Владыко Нестор, присутствовавший на премьере, так хохотал, что сломал кресло.

После такого успеха – губернатор не пожалел денег – пришлось пойти на строительство двухэтажного здания с балконом на углу улицы Большой и Воробьева переулка. А также закупить во Владивостоке американский дизель, вырабатывающий электроэнергию. Таким образом, благодаря театру на полуострове стало светло, а то бы так с керосинками и жили до сих пор.

Особую гордость Софьи Михайловны составляла коллекция граммофонных пластинок фирмы «Интернациональ Зонофон» и «Патэ» – Левицкая, Панина, Церетели, Шаляпин, итальянская опера, куплеты из оперетт и даже французские цыгане с бесподобной Рашель Буттон.

– Ах, эта Бутон, Бутон!

Зимними вечерами, когда из-за пурги не было никакой возможности выйти из дома, погулять (о работе и речи не было – всё стояло), а это могло продолжаться и несколько суток, и неделю, к ней стекались соседи на суарэ с собственными пластинками.

Театр афишировал свою деятельность на весь сезон. В этом году в зачет великой даты трехсотлетия царственного дома Романовых тринадцатого ноября вся православная Россия праздновала день тезоименитства императрицы Марьи Федоровны. В соборе равноапостольных Петра и Павла в девять утра Преосвященный Епископ Нестор планировал литургию и благодарственный молебен. А Софья Михайловна объявила премьеру своей новой мелодрамы «Жорж – мой сын!»

На главную роль любовника и прожигателя жизни Люсьена де Лиля она думала назначить Ивана Генриховича Штарка, но судьба распорядилась самым подлым образом.

– С каким трудом всё делается! Я точно камни ворочаю! Как Сизиф! Я – несчастный Сизиф! – плакала она в кровати, ломая руки.

– Полно, матушка, – говорил муж, накладывая ей на лоб влажное полотенце, – всё образуется.

– Как? Где я найду второго Люсьена де Лиля? А Иван Генрихович – вылитый Люсьен! Я с него роль писала. И что теперь – переписывать? Опять? – Софья Михайловна взвизну-

ла. – У меня уже нет сил! Как вы не можете понять, я не электрическая машина-динамо!

– Не кричи, детей разбудишь.

– И не перпетум мобиле, я женщина, взвалившая себе на загорбок всю Камчатку. А вы только смеетесь надо мной, я знаю.

– Никто над тобой не смеется, Софочка, окстись!

Этот старый спор всегда инициировала жена. Несмотря на то, что театр имел стойкий успех, любители драматического искусства, которых всегда находится в избытке в любом провинциальном городке, якобы понимавшие в сём толк, весьма иронически оценивали её драматургический дар.

– Да, я не Александр Николаевич Островский! И даже не Короленко!

Николай Владимирович не выдержал и всплеснул руками.

– Ну, кто же спорит с тобой, матушка ты моя!

– Вот! Вот! И ты туда! – Софья Михайловна отбросила со лба полотенце и опрокинулась лицом на подушку. – Убийцы, убийцы!!!

Николай Владимирович тяжело вздохнул и, погладив жену по затылку, просто сказал.

– Какие ж мы с тобой убийцы? Убийцы вон Ивана Генриховича убили и прячутся теперь как тати хитровские.

Софья Михайловна притихла и в страхе посмотрела на мужа.

– Ты уверен?

Но Николай Владимирович уклонился от прямо поставленного вопроса.

– А ты еще лучше спектакль сделаешь, я верю. Такое кабаре во французском стиле, где всё вертится и ходуном ходит. Помнишь, в «Савое»?

И тихонько запел слегка надтреснутым голосом запомнившуюся им обоим шансонетку, слышанную в приамурском ресторане.

Мне новые ботиночки
Купили-пили-пили-пили,
Страсть мою девичью
Сгубили-били-били-били.
Я ботинки так люблю,
Я ботинки так люблю,
На ночь я их даже не снима-ю!

– Спи, голубь мой, постарайся заснуть.

Софья Михайловна облегченно выдохнула, закрыла глаза и горестно прошептала:

– Значит, все-таки убили... За что, Господи Всемогущий, Пресвятая Параскева Пятница?

* * *

Невыспавшийся, злой и голодный, только чаю хлебнул, Павел Михайлович поспешил с денщиком Белугиным на бе-

рег. Обыкновенно носил за ним портфель Кузьмич, но сегодня чиновник особых поручений держал его самостоятельно, потому что в нём лежала карта государственного значения.

Вообще-то в городскую акваторию редко заходили киты, но случилось, что и касатки стаей гуляли вдоль берега, и морские львы заплывали отдохнуть в мягких и спокойных водах бухты.

Солнце стояло высоко, и берег полуострова казался с борта катера каким-то тропическим раем. Буйная свежая и яркая растительность закрывала сопки с головой. Наверху притаился туман с океана, готовый в любой момент обрушиться вниз. Берег противоположной стороны в дымке не виден, поэтому сопки и вулканы словно выплывали ниоткуда, из какой-то тайской сказки.

Клочков никак не мог привыкнуть к тому, что цвета здешнего края постоянно менялись по погоде – на дню по несколько раз. Как в детском волшебном калейдоскопе. Встряхнешь его, и рисунок меняется на неузнаваемый. Лазурный и прозрачный над розовыми сопками небосвод на глазах становился глубоким синим с фиолетовыми облаками, и глаз не успевал привыкнуть к этому блеску, как всё враз затягивало тяжелым свинцом с белеющей кромкой горизонта.

На носу катера стоял Отец Дорофей, молодой иеромонах камчатской епархии и вслух декламировал собственные сти-

Город под сенью вулканов,
Гул океанских штормов,
Белые крылья орланов
Средь белизны облаков.
Первоверховных
Апостол
Благословенный покров
И златоглавые храмы
На стыках вселенских ветров.

– С праздником, Павел Михайлович!

Ротмистр понял, что сегодня очередной церковный праздник, не вспомнил какой, но ответил улыбкой. Он чувствовал душевное расположение к нему. При всем том, что Отец Дорофей всем сердцем любил этот Богом забытый край, но климат его капризный ему не подходил. Он часто болел простудными заболеваниями и просился у владыки Нестора благословить его в южные широты на горькие миссионерские хлеба.

Когда они на самодельном катере, сделанном из баржи, добрались до места, вокруг кита уже кипела работа. Кит в длину двенадцать саженей поражал воображение своими размерами.

– Экая безобразная туша, а, Павел Михайлович? – воскликнула Софья Михайловна, едва сошли на берег.

Всё тело кита было покрыто короткой серой щетиной, которая лоснилась от проникавшего через тонкую кожу жира. С помощью городского Матвеева, галантно подавшего ей руку, губернаторша поднялась с хвоста, и прошла в изящных прюнелевых ботильёнках, как по крутой кавказской горе, по спине кита сорок восемь шагов.

– Не поскользнитесь! Осторожно! – со всех сторон подавали ей советы, тем не менее все – и горожане, и камчадалы – любовались отважной и красивой женщиной на этой чудовищной горе.

– Каково впечатление, Софья Михайловна? – спросил снизу старший делопроизводитель канцелярии Михельсон.

– Грандиозное, Семен Фридрихович, – звонко отвечала жена губернатора, который также наблюдал за всем со стороны, прячась в листву от яркого солнца. – Ощущение, что я хожу по туго набитой подушке. Ноги скользят и вдавливаются в мягкое тело. Идите ко мне!

– Нет уж, увольте, я отсюда налюбуюсь, – ответил Михельсон и, сняв фуражку, вытер вспотевший лоб.

Отец Дорофей ходил вокруг монстра, всплёскивал руками и ахал.

– Нисколько не пахнет, господа, то есть, он еще недавно был жив. Боже ж мой, как же это он? Почему? Зачем? Аз не внемлю, не осмыслю. Он же не мог не понимать, что на суше ему придет смерть?!

– Природа этого явления непонятна, – сказал начальник

почтово-телеграфной конторы Королевич. – Но вообще-то знавал я охотника-коряка, который утверждал, что камчатские леминги, у которых каким-то образом пропадал запас пищи, приготовленной на зиму, убивают себя совершенно по-человечески, удавливаясь с помощью веточек, – начальник почты для наглядности раздвинул руками невидимые ветки, засунул туда голову, предварительно зачем-то сняв фуражку, и отпустил. – Вот примерно так, господа, представляете?!

– Что ж это вы на себе этикие страсти показываете, голубчик? – замахал руками Михельсон.

– Так вот я и говорю, что если такая малая тварь способна возвыситься до такого греческого сюжета, то и кашалотец, думаю, тоже не лыком шит по части ума. Экая у него башка, в ней жить можно!

– Вот так там многострадальный Иов и томился, – перекрестился Отец Дорофей и трижды сплюнул через левое плечо.

Тем временем Софья Михайловна с помощью палки, поданной снизу, дошла до головы чудовища и опустила палку в дыхательное отверстие, из которого кит выбрасывает фонтаны воды саженей до трёх высотой.

– Палка длиной трех аршин, а и до доньшка не достала, еще опускать и опускать!

– Диво дивное! – качался на одном месте Отец Дорофей, с ужасом взирая на происходящее.

По обеим сторонам морды кита лежали длинные усища черного цвета, более трёх вершков толщиной, на концах превратившиеся в абсолютную бахрому.

Городовой легко вспрыгнул на тушу и помог Софье Михайловне сойти на грешную землю. И как по сигналу закипела работа.

Казаки с женами, камчадалы целыми семьями взбирались на спину кита и вырезали пилой квадратные куски жира величиною с аршин. И такой-то величины кусками изрезывалась спина в глубину на три яруса!

– Режь ширше, едрёна батона! – кричали мужики.

И все это был чистый белый, похожий на свиной, плотный жир, а затем уже оставалась жидкая внутренность – ворвань, отвратительно и тошнотворно пахнувшая, в которую рабочие остерегались попасть не только по причине запаха, а в ней можно было легко утонуть. Местные жители рубили на берегу деревья, связывали ветки в лестницы и погружали во внутренности кашалота, чтобы сподручнее пилить двуручной пилой как дрова. Каждый нарезывал себе, сколько мог унести. Никто никого не ограничивал. И сколько бы ни резали, работы не убавлялось, даже если бы сюда доставили еще двести человек.

– Просто ешь, не хочу!

Женщины тут же на берегу развели костры, в котлах закипел жир, его засыпали мукой или крупой, что у кого имелось, и эту похлебку тут же ели. Скоро заиграла гармошка.

Клочков услышал смех Ляли Петровны, оглянулся кругом, но не нашел. Чумазые детишки в кухлянках с визгом носились вокруг с кусками белого жира в руках и смоктали его с большим удовольствием.

– Тут, я гляжу, и за неделю не управиться, – сказал хозяйственный Михельсон. В руках он держал кусок подкопченного сала, но не решался попробовать. А когда все-таки решился, брезливо сморщился и отбросил в сторону.

– Да, это вам не полтавская свининка, Семен Фридрихович.

Множество собак обрывали у кита кожу с боков и убежали с добычей в прилесок.

– Вот примерно таким образом и закончила свой исторический путь знаменитейшая корова Стеллера, – обмолвился начальник почты Королевич, когда уже все чиновники во главе с губернатором зашли на губернаторский катер. Женщины ушли в нижнее помещение. Мужчины остались наверху покурить.

– Это как? – заинтересовался Клочков.

– Растерзали, – отрезал Королевич, раскуривая трубку.

– А что за корова?

– С рогами, что ли?

– Она в море плавала или по суше ходила? – посыпались вопросы.

Королевич охотно пояснил. В своё время он по просьбе Софьи Михайловны делал в театре доклад на эту тему. Ни-

кто на лекцию не явился, тогда Королевич рассказал всё одной Софье Михайловне. И сейчас наступил-таки его звездный час.

– Коровой её называли потому, что она была большая. До десяти метров экземпляры доходили-с, – начальник почты для убедительности рассказа раскинул руки, как рыбак, хватающийся уловом. – Из отряда сирен. Без зубов. Пищу перетирала двумя белыми пластинами. Питалась в основном морской капустой. Поэтому её еще называли капустницей. Безобиднейшее существо, господа. Практически не встречающейся в природе доброты-с.

– А как она выглядела? Как морской лев?

– Голова как у большой собаки, большое круглое и толстое тело без лап, и хвост с раздвоенным плавником. Плавала по поверхности. Совершенно беззлобна и ласкова, как дитя. Жили коровы стадами у берегов Командорских островов.

– Не жили, а паслись, – поправил начальника почты Багиров. Королевич кивнул головой в знак согласия и продолжил:

– Больше нигде. Обнаружили их в 1741 году, а зверски убили последнюю в 1768-ом.

– Вы так рассказываете, Андрей Николаевич, будто сами всё это видели и пережили, – вставила замечание в разговор Ляля Петровна, вышедшая на палубу из-за духоты внизу.

– Совершенно верно, уважаемая Ляля Петровна. Сердцем пережил-с. До сердечной боли-с. Вы представьте себе, с от-

крытия вида до её полного истребления прошло каких-нибудь двадцать семь лет! В действительности, это всемирная катастрофа, ужасное биологическое убийство, которое показало миру лицо человека, насколько он опасен, жесток и недалновиден. Убивали из-за еды, конечно. К ней можно было просто подойти на лодке, отрезать кусок мяса и спокойно отплыть, оставив истекающее животное умирать. Так иногда и делали. Из-за больших размеров своих страдала.

На катере воцарилось глубокое молчание, прерванное губернатором.

– Вот очередной пример нашего безрассудного и расточительного к природе отношения. Так же и Камчатку жестокосердно рвут.

– Кто рвёт? Почему рвет? – озадаченно спросил Родунген, протирая пенсне.

– Кто, кто... Да кто ни попадя!.. А то вы не знаете, Василий Осипович? – с досадой проговорил Николай Владимирович и пошел в нижнее помещение. Остановился на нижней ступеньке, поднял лицо и все-таки сказал, хлестнув перчаткой по поручню. – Враги отечества рвут!

На палубе воцарилась тишина. Все поняли, кого имел в виду губернатор, но промолчали. Мотор негромко фыркал где-то внизу под кормой. Уже приближалась городская пристань на сваях, все пассажиры сосредоточились на правом борту для высадки, когда Королевич вдруг сказал:

– Между прочим, во Владивосток через две недели

приезжает известная французская певичка Рашель... Рашель... как её?

– Бутон?! – изменилась в лице Софья Михайловна. – Сама Бутон?

– Собственной персоной. Гастролировала в Харбине, милостивые государи, в Хабаровске, нынче во Владивостоке и обратно ай-люлю! – в Америку, а отель в Парижик!

– Как в Америку? – растерянно сказала губернаторша. – А к нам?

– Рылом не вышли, да-с, – брякнул Королевич, сразу спохватился и поправился. – То есть, я не про вас, Софья Михайловна.

Извинение вышло еще хуже. Багиров рядом радостно осклабился.

– Я в том смысле, что гонорар больно высок. Парижская штучка!

Шумилин первый ступил на трап, подал Софье Михайловне руку и весело сказал:

– Зато у них, лягушатников, киты на берег не выбрасываются – в Париже!

– Очень остроумно и гумно, – опять процедил бывший инженер.

Кто-то прыснул от смеха, громче всех вдогонку Елена Петровна.

В стоячем шкапе на пристани раздавался мощный храп казака Понтрягина, охранявшего таким образом Камчатку

от вражеского нападения.

* * *

По возвращении в дом Павел Михайлович пришел в изумление. Даже усы его, всегда тщательно расчесанные, встали дыбом.

Все вещи в комнате валялись разбросанные повсюду, ящички в комодке выдвинуты, книги, бумаги сброшены со стола, даже киот висел на одном гвозде, сорванный со своего места.

– Да что же это такое у нас творится?! – возопил денщик Белугин. Пятидесятилетний казак, родом из Усть-Камчатска, он сызмальства такого не видел, чтобы кто в чужом доме такое безобразие вытворял.

– Ничего не трогай, дай посмотреть, – Клочков осторожно, стараясь не наступать на вещи, начал осмотр комнаты в поисках хоть каких-нибудь следов.

– И провод у телефонного аппарата разрезан, – исследовав кисточку обреза, добавил Кузьмич. – Ишь, как подчистую обрезан. Или бритвой аль пареньским ножом.

В окно снаружи нетерпеливой рукой постучали. Ротмистр раскрыл раму, внизу стоял Михельсон, пенсне висело на нитке, галстук съехал на сторону, в глазах испуг. Клочков сразу всё понял.

– Что случилось, Семен Фридрихович? Что-нибудь в кан-

целярии?

Михельсон только мотнул головой и опасно огляделся по сторонам.

– Вы успокойтесь!

Михельсон выдохнул и сосредоточился.

– Я вошел, Павел Михайлович, а там – мать честная! Всё перебуторено! Как Мамай прошел! И телефон, анафема, из стены вырван!

Стараясь не привлекать внимание горожан, вышли из дома.

– А ты, Кузьмич, не за нами иди, а к покойному Ивану Генриховичу следуй. Думаю, что и там то же самое увидишь. Но ничего не трожь, а то знаю тебя! И оттуда напрямик в канцелярию. Мы там будем ждать.

– Ваше благородь, обижаете, в такую минуту... Да я ни в жисть! – и пропал за углом.

В канцелярии царил полный разгром. Даже обои сорваны в одном месте.

– Что же они искали, злодеи, а, Павел Михайлович?

Сейф тем не менее преступники открыть не сумели. Трясущимися руками старший делопроизводитель, закрыв телом скважину, набрал код, дверь со скрипом отворилась, обнаружив за собой аккуратно сложенную дохлую стопочку документов.

Семен Фридрихович с облегчением выдохнул и закачал головой с одного плеча на другой, как китайский фарфоро-

вый болванчик.

– А ведь неспроста Иван Генрихович приказал долго жить. Ой, боюсь, боюсь, боюсь, Павел Михайлович, как бы эти сюжеты не имели родственных пересечений.

– Бояться нам ни к чему, если мы честно трудимся на благо царя и отечества, а вот опасаться надо. Только вы уж, Семен Фридрихович, чтоб никому! Чтоб ни одна мышь!..

В канцелярию зашел Кузьмич. Клочков и спрашивать его не стал, и так всё по нему увидел.

Кузьмич сел на венский стул в углу канцелярии и свесил голову.

– Это что ж такое деется, ваше благородия, никогда такого заводу не творилось... И кто, и кому енто нужно?

– Не твоего ума дело.

– Так точно, не моего-с, – согласился денщик. – Тут учёность нужна, откуда ж нам тут серым учёности набрать?

– И помолчи немного, Денис, а то жужжишь как овод, – сказал раздраженно Семен Фридрихович.

– Это верно, да, – покачал головой Белугин. – Подумать надо, да. Крепко подумать, вашество.

– Ты тут поспрашивал бы вокруг, не видал ли кто чего? – осматривая разбросанные бумаги, сказал Клочков.

– Знамо дело, поспрашаю, токмо без толку, потому все побежали еще заутре кита глядеть.

– А то через час на доклад к губернатору идти, чего говорить?

Павел Михайлович вдруг встrepенулся, будто потерял чего, и захопал себя по карманам. Вслед за ним встревожились и Михельсон с Кузьмичем.

– Что произошло, Павел Михайлович? Потеряли что? – вытянув шею, спросил напуганный Михельсон.

Ротмистр кинулся к портфелю из плотной крокодиловой кожи, который всегда носил с собой, и, раскрыв его, засунул кисть руки в потайное отделение, потом в другое покрупнее, потом обратно в потайное. Затем перевернул портфель вверх тормашками и вывернул всё, что там находилось, на пустую столешницу. Михельсон и Кузьмич сделали шаг к столу в желании помочь. Ротмистр искажился в лице и, вытащив из кобуры наган, заорал:

– Стоять на месте, застрелю!

Белый как мел Михельсон схватился за сердце и, захопав глазами, заскороговорил:

– Что же вы нас так пугаете, милостивый государь? Так ведь и родимчик может хватить, у меня сейчас сердце остановится.

– Где?! – заорал Клочков и поднял на Михельсона мутные страшные глаза.

– Что где, Павел Михайлович? Побойтесь бога, объяснитесь, наконец! – вскричал бледный старший делопроизводитель.

– Где?! – заорал еще сильнее Клочков, обратясь к денщику, стоящему навытяжку по стойке «смирно».

– Не могу знать! Не могу знать!

Клочков потеряв дар осмысленной речи, ткнул пальцем в портфель и снова заорал.

– Это там!.. Там!

– Да что там, Павел Михайлович? Объяснитесь, может, мы вам поможем чем-нибудь? – взял себя в руки Михельсон.

– Где?! – снова заорал чиновник по особым поручениям.

– Воды! – скомандовал Семен Фридрихович. – Дайте ему воды!

Кузьмич кинулся к бочке в коридоре, зачерпнул полную кружку, бегом вернулся в кабинет и окатил своего непосредственного начальника прямо в лицо. Тот отпрянул от неожиданности, лицо от ярости налилось кровью, но угроза апоплексического удара, очевидно, прошла. Глаза ротмистра вернули осмысленное выражение, он сел на вовремя подставленный стул и глубоко выдохнул. Михельсон в ожидании объяснений сел рядом.

Так молчали с минуту. Потом Клочков сказал.

– Сбондили.

– Очень хорошо, – погладил его по коленке Семен Фридрихович. – А что именно злодеи похитили?

– А вот именно то, что искали у меня, у вас и у Ивана Генриховича, чтоб ему, едрит педрит навыворот, тридцать три раза через одно место!

И снова, выпучив глаза на собеседников, заорал на весь дом:

– Где?!!!

Михельсон и Кузьмич бросились из канцелярии вон.

* * *

– А ты слышал ли, душа моя, Николай Владимирович, что во Владивосток приезжает Рашель Бутон? – спросила Софья Николаевна мужа за вечерним чаем.

Горничная укладывала детей спать – Сашу и Мишеньку, двоих старших девочек отправили на лето к дедушке в Саратовскую губернию. Остальные дети уже жили, почитай, самостоятельной жизнью.

У родителей оставалось полчаса до ежевечернего доклада. Николай Владимирович имел привычку работать до поздней ночи, и подчиненные знали, что и в полночь к нему могут прийти, если по неотложному делу.

– Можешь ты пообещать мне сделать, если я попрошу? В конце концов, не так уж много я у тебя просила.

Николай Владимирович догадывался, куда клонит жена, но не хотел заниматься тем, в чем выглядел некомпетентным.

– Можешь ради меня сделать одно дело? – настаивала супруга и, после недолгого молчания мужа, поставила вопрос жестче: – Можешь вообще что-то сделать ради меня?

– Ты, мне кажется, матушка, что-то хочешь сказать, но никак не можешь сформулировать, поэтому я не могу тебе

ответить на неделикатно поставленный вопрос. В чем именно я должен тебе помочь?

Но и Софья Михайловна сдаваться не хотела, и прежде чем сформулировать вопрос, желала получить достаточные гарантии для положительного ответа.

– Почему я отдаю тебе себя всю? Всю жизнь положила ради тебя и детей, тогда как ты и мизинчиком не можешь пошевелить, когда я о чем-то прошу?

Николай Владимирович также начал потихоньку закипать, как самовар в первой стадии, когда с помощью сапога кухарка раздувает уголья внутри самоварной утробы.

– Вот я и прошу тебя сказать, чего, собственно, ты хочешь? Как же иначе я могу исполнить твои требования?

– Я не могу требовать, и ты это прекрасно знаешь, я могу только умолять.

– Еще скажи: «На коленях»! – буркнул супруг в усы.

– Если угодно, и на колени встану.

– Полно, матушка, дурью заниматься, – в самоваре пошли первые, еще слабые, едва различимые пузырьки.

Бульк-бульк!

– И зачем я сюда ехала? Ехать сюда из центра России в глушь, практически деревня на краю земли!?! Дальше-то куда ты меня потащишь с маленькими детьми, изверг?

Бульк-бульк!

Большая половина деток уже значительно подросла, кое-кого можно было уже и замуж отдавать.

Николай Владимирович предпочел не отвечать в ответ на горькую инвективу, только нервно жевал кончик уса, на конце которого загустилось крыжовенное варенье. Между тем, художественный руководитель «театра Мономаховых» встала во весь рост и в качестве протеста бросила чайную ложечку на стол. Ложка зазвенела как колокольчик на скачках.

– Я умираю здесь каждый день. Это ты обещал мне, когда я выходила за тебя замуж? Ты убить меня хочешь? Бессердечный эгоист! Ты всегда был эгоистом!

– Что ты хочешь? – твердо сказал губернатор. – Я хочу знать, наконец, что вам от меня угодно?

В самые патетические минуты жизни супруги переходили на «вы».

– Вы меня не хотите слушать! – закричала Софья Михайловна.

– С какой стати? Я весь обращен в слух, сударыня. Милости прошу! Слушаю.

– Не кричите, милостивый государь, я не ваша горничная, – вспылила несчастная жена.

– Я и на горничных не кричу, уважаемая Софья Михайловна. Откуда, из каких источников, мне интересно знать, у вас такая обо мне резолюция?

Но Софья Михайловна его не слушала. Пришло время выговориться. И её понесло, как на тех же скачках. В самоваре забурлил белый ключ.

– Увидела бы моя маман наше здешнее житьё-бытьё, она

бы в ужас пришла! А дети? Наши бедные дети?! Что они здесь видят?

– Детям очень важно увидеть и понять свою страну. Для расширения сознания, наконец. На этом краю земли, как вы изволили выразиться, побывали такие всемирно известные личности, как...

Николай Владимирович сбился и защелкал пальцами, прося помощи у своего диспутанта. Но супруга не имела никакого желания облегчать ему жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.